

Тактика въ дѣйствіяхъ подъ крѣпостями.

(Опытъ историческаго изслѣдованія).

(Окончаніе ¹⁾).

До наиболѣе полную сводку, и по обыкновенію съ собственнымъ сильнымъ сужденіемъ, даютъ «Ежегодники Лебеля» 1906 г. и послѣдующіе. Я передамъ здѣсь вкратцѣ и отзывы этого образцоваго «Ежегодника», — за 1906 г., какъ отражающаго первыя впечатлѣнія о П.-Артурѣ и нашей войнѣ, и за 1909 г., какъ уже дающаго эти впечатлѣнія въ болѣе отстоявшемся и законченномъ видѣ. Предупрежу при этомъ, что «Ежегодникъ» судить не только съ одной германской точки зрѣнія, но и вообще съ точки зрѣнія военнаго искусства, а равно и съ точки зрѣнія различныхъ государствъ и военныхъ мыслителей.

Предупрежу также, что обзоры «Ежегодника» составляютъ всегда въ довольно однообразномъ порядкѣ, и потому за развитіемъ однородныхъ вопросовъ слѣдить довольно легко.

За подробностями отсылаю къ самому «Ежегоднику», гдѣ въ изложеніи даны ссылки на соотвѣтственные сочиненія по перечню ихъ въ концѣ книги.

«Ежегодникъ» 1906 г. говоритъ:

„Несмотря на предупрежденія „Militär Wochenblatt“ не придавать излишняго значенія вліянію событій на Дальнемъ Востокѣ, на развитіе

¹⁾ См. «Военный Сборн.» № 11.

военнаго дѣла, германскія войска лихорадочно слѣдили за всѣми отѣнками этой великой борьбы и жадно набрасывались на всѣ извѣстия, стараясь печерпнуть изъ нихъ все поучительное. Правда, по мнѣнiю нѣмцевъ, не происходило ничего неслыханнаго, что вносило бы переворотъ въ технику. Нравственный обликъ борцовъ, ихъ бытовой укладъ, и проч. значительно отличались отъ обще-европейскихъ; *такого озлобленiя, дикости, дерзости и самоотверженiя не придется навѣрное увидѣть ни на одномъ изъ европейскихъ полей сраженiя* ¹⁾; однако, надо признать, что основы стратегii и тактики, обученiе, вооруженiе и снабженiе обѣихъ сторонъ почти не отличались отъ европейскихъ, а потому война представила тѣмъ больше поучительности, что здѣсь воочiю и на дѣлѣ примѣнялись тѣ средства, которыя у другихъ находили приложенiе только на учебныхъ поляхъ и маневрахъ. Особенно поучительна Русско-Японская война въ области крѣпостной, которая, по мнѣнiю многихъ нѣмцевъ, въ Германii на положенiи пасынка и, по отсутствию должныхъ упражненiй мирнаго времени, мало усваивается, т. ч. ни войска, ни начальники не знакомы съ предстоящими на войнѣ задачами. Насколько прочно въ извѣстныхъ кругахъ такое безразличiе, доказываетъ замѣтка одной крупной нѣмецкой газеты о намѣченномъ въ 1904 г. маневрѣ подѣ Торномъ. „Безполезность подобныхъ упражненiй болѣе, чѣмъ очевидна. Осада Портъ-Артура доказала, что война въ Восточной Азii не внесла ничего новаго въ ученiе объ осадѣ и оборонѣ крѣпостей, а наши войска въ военномъ дѣлѣ уже давно болѣе высоко развиты, нежели противники въ Манчжурii“. *Къ счастью, подобныя взгляды, поразительно напоминающiе бахвальство и самонадѣянность пруссаковъ въ 1806 году, лишь единичны*, и богатая письменность отчетнаго года доказала господство сознанiя, какъ много еще надо учиться въ этой области, и сколько поучительнаго въ опытѣ восточноазиатской войны“.

„Два труда (Сообщенiя инженернаго комитета и Тонореръ. П.-Артуръ) даютъ, по русскимъ источникамъ, оборонительную силу П.-Артура къ завершенiю обложенiя. Шретеръ задается цѣлью дать весь ходъ осадѣ по соответствующимъ источникамъ; *Revue du genie mil.* излагаетъ нѣкоторые поучительные случаи, Джанатрапани—всю войну до конца 1904 г.

Весьма обширно число сочиненiй съ описанiемъ и оцѣнкою П.-Артурскихъ боевъ. Особенно своеобразны выводы неизвѣстнаго подѣ буквою F, „*что крѣпости строятся только для истощенiя послѣднихъ слабыхъ силъ обороны и лишенiя ея почва и свободы дѣйствiй*“. Доказывается это тѣмъ, что русскiй флотъ, безъ укрѣпленной гавани, ставшей его „мышеловкой“, дѣйствовалъ бы иначе. Ему отвѣчаетъ маiоръ Лювингъ ссылкой на слова „*Revue de l'armée belge*“, „*Пора наконецъ перестать считать крѣпостныя верки козломъ отпущенiя за всѣ промахи и погрѣшности. Такъ вѣдь можно обвинить и ружье, которое ранитъ себя неумѣльный стрѣлокъ*“.

„Но особенно поучительны германскiя военно-историческiя изысканiя „*Die Festung*“ и Влацкода „*Значенiя укрѣпленiй въ войнахъ Наполео-*

¹⁾ Пронисъ моя. Полезно услышать хоть и это. Большой охоты воевать съ нами, значить, у нѣмцевъ нѣтъ...

она“. Въ нихъ взгляды на значеніе крѣпостей и пользование ими рѣзко отличны отъ прежнихъ, причемъ Большой Генеральный Штабъ откровенно подчеркиваетъ небреженіе основами борьбы за крѣпости въ 1870—1871 гг. и проистекшія отсюда ошибки. Къ тому же отдѣлу сочиненій относятся и два (Фробеніуса и Пиршера) о Страсбургѣ, 2 (Шварте и Тайльядъ) о Севастополѣ, а также 5 работъ итальянскихъ изслѣдователей, (Феа, Рубіо, Росе, Роки и Ориоли), причемъ *«Ежегодникъ» сердечно приветствуетъ стремленіе Роки поставить изученіе крѣпостного дѣла на историческую почву*“.

„Изъ трудовъ о современныхъ приемахъ обороны государствъ выдѣляется трудъ Шена о франко-германской границѣ; дополнение къ нему—рядъ работъ о борьбѣ за крѣпости въ дѣломъ (и въ частностяхъ съ научной (Шаръ, Имануель, Людвигъ, Медикусъ, Роне, Казбекъ) или прикладной (Шварте) точки зрѣнія. Наконецъ, о крѣпостномъ строительствѣ высказались 3 писателя. (Kriegstechn. Zeitschr.—новѣйш. долгов. укр. Вельки—Врем. укрѣпленія и „„Rev. du gen. mil. —укрѣпленія на болотахъ).

1, Борьба за крѣпости (Der Festungskrieg).

Когда одинъ изъ важнѣйшихъ взглядовъ Наполеона—*„Главнѣйшій предметъ дѣйствій на войнѣ—живая сила врага, т. е. его войска, крѣпости же стоятъ вниманія, лишь поскольку онѣ вліяютъ на общій ходъ дѣла“*—стала достояніемъ стратегіи, мы все болѣе привыкли смотрѣть на борьбу за крѣпости, какъ на нѣчто второстепенное, почти внѣ связи съ общимъ ходомъ войны, и отдѣляли сюда худшія войска, лишь снабженныя необходимыми артиллеріей и техническими средствами. 1870—1871 г. не внесъ сюда ничего поучительнаго. При осадѣ большихъ французскихъ крѣпостей, замедлявшихъ на мѣсяцы дѣйствія нѣмцевъ, все вниманіе обращалось на полевые войска, запертыя въ крѣпостяхъ, а не на крѣпостную борьбу, которая считалась чѣмъ то побочнымъ,—и это, конечно, замедляло ходъ дѣйствій. Последнее время пробовали даже создать противорѣчіе между оперативнымъ значеніемъ крѣпости и мѣстнымъ,—и напр., Людвигъ говоритъ: *„Конечно, сражаются за прикрываемую крѣпостью мѣстность, но только потому, что здѣсь стоитъ противникъ; точно такъ же въ полевоѣ бою дерутся за обладаніе деревней, занятой врагомъ. Рѣшеніе вопроса о необходимости овладѣть крѣпостью зависитъ отъ стратегическаго положенія, а разъ крѣпость взята, самая точка болѣею частью теряетъ всякую цѣнность*“. Натяжка здѣсь видна легко, ибо если стратегическое положеніе крѣпости вызвало рѣшеніе овладѣть ею, то оно, заключаясь въ стратегическихъ условіяхъ, а не въ войскахъ, ее защищающихъ, не можетъ исчезнуть, когда войска сдались. Такая мысль справедлива для укрѣпленной позиціи, какъ Плевна, съ ея значеніемъ *только изъ за присутствія непріятельской арміи*; но здѣсь ошибочно даже и говорить о стратегическомъ значеніи. Обладаніе мѣстомъ вовсе не противорѣчитъ его оперативному значенію, т. к., обезпеченіе стратегически важной для дѣйствій точки есть *только средство* сохранить ее для войскъ. Наоборотъ, бывають случаи, укрѣпленія мѣсть безъ стратегическаго значенія, но извѣстной цѣнности сами по себѣ, какъ напр. *Бреславль*, на что указывалъ Мольтке еще въ 1861 году ¹⁾.

„Помня исторію и то значеніе, какое придавали Наполеонъ и Мольтке прирѣчнымъ крѣпостямъ, странно слышать отъ другого нѣмецкаго писателя, Вельки, и то, что рѣки нынѣ вообще менѣе сильныя преграды,

¹⁾ Напоминаю настойчивость нѣмцевъ при проведеніи въ жизнь взглядовъ Мольтке.

чѣмъ прежде; Эльба и Одеръ—лишь слабыя препятствія, и даже Рейнъ лишенъ прямого оборонительнаго значенія. *Т. н. время не дало ничего новаго для облегченія переправъ черезъ рѣки, то совершенно непонятно, на чемъ основаны такіе выводы.*

„Тѣмъ не менѣе, не такъ просто и уяснить себѣ значеніе крѣпости при защитѣ даннаго естественнаго препятствія въ связи съ полевыми войсками“.

Историческіе примѣры далеки отъ насъ; многое съ тѣхъ поръ измѣнилось. Поэтому надо привѣтствовать попытку Шварте¹⁾ — выяснитъ прикладнымъ путемъ ходъ обороны современной крѣпости (Витенбергъ) въ связи съ дѣйствіями въ полѣ, причѣмъ здѣсь войска. отброшенные превосходными силами врага на р. Эльбу, переправляются черезъ нее, прикрываясь крѣпостью сбоку, а затѣмъ, опираясь на нее же, заходятъ плечомъ. Далѣе, рядъ правдоподобныхъ положеній даетъ крѣпости пользоваться общей поддержкой и артиллеріей для содѣйствія полевымъ войскамъ. Странно только, что и Шварте повторяетъ крупную ошибку: *для переправы, часть войскъ входитъ въ крѣпость и даже проходитъ городомъ, черезъ нѣсколько его воротъ. Подобный отрицательный примѣръ, напоминающій Мецъ, достаточно уже обсуждался.*

А. О б л о ж е н і е .

..Осада крѣпости есть вообще прорывъ главной ея обороны широкимъ фронтомъ п сосредоточенными силами. Обезпеченіе этого прорыва съ боковъ достигается полнымъ или частнымъ обложеніемъ, а при весьма обширныхъ крѣпостяхъ крупными войсковыми частями, на уступахъ. Однако, выгоды полного обложенія столь очевидны, что иные способы вызываются лишь исключительными условіями. Полное же обложеніе требуетъ стратегически цѣлесообразнаго выбора направленія удара и одновременнаго, для возможно быстрого обложенія безъ лишнихъ боковыхъ передвиженій, подхода съ разныхъ сторонъ всѣхъ облегающихъ отрядовъ. Но (см. Шварте) послѣднему условію, при наличіи вблизи крѣпости полевыхъ войскъ обороны удовлетворить вполнѣ нельзя, и наступающій не можетъ приближаться къ крѣпости безъ полевыхъ боевъ“.

*„Въ это время первая и главнѣйшая задача обороны—возможное отдаленіе полного обложенія. Въ ея дѣятельности всѣ писатели единогласно соглашаются, что она должна быть живой, наступательной“*²⁾. по выполненію же—два взгляда: одинъ—г. Казбека и французскихъ наставленій — требуетъ удара вбокъ обходящаго врага; *другой — майоръ Шварте — оставляетъ для обезпеченія фортоваго пояса только самыя необходимыя силы, всѣ же остальные войска отдѣловъ выдвигать впередъ до предѣловъ огневой поддержки крѣпостной артиллеріи, благодаря чему общій резервъ получаетъ свободу дѣйствій въ любомъ направленіи“*³⁾. Этими во всемъ обводѣ крѣпости устанавливается соприкосновеніе съ противникомъ, и всякая оплошность его можетъ быть немедленно использована“.

„Позиціи, такимъ образомъ занятыя войсками, не подлежатъ однако упорной защитѣ и служатъ лишь какъ бы масками. Главная цѣль здѣсь—затруднить наступающему подходъ и развѣдку“.

¹⁾ Der Festungskrieg.

²⁾ Пронисъ моя.

³⁾ Кто же лучше учелъ уроки нашей войны?

„Насколько важна послѣдняя—показалъ опытъ японцевъ. Будучи самымъ точнымъ образомъ освѣдомлены о состояніи П.-Артура въ началѣ войны, они при ходѣ осады нерѣдко оказывались передъ укрѣпленіями и препятствіями, о которыхъ не имѣли никакого представленія. Правильное овладѣніе крѣпостью возможно только при точной и подробной развѣдкѣ, а оборона можетъ надолго затруднить ея производство. *Даже при далеко видимыхъ обводахъ французскихъ крѣпостей 1870 г. случались ошибки при обстрѣлѣ ихъ артиллеріей: насколько же чаще онѣ должны повторяться теперь, при увеличившейся дальности орудій, и какъ важно для обороны затруднить пристрѣлку наступающаго“.*

Б. Артилерійскій ударъ.

„Развертываніе осадной артилеріи, въ большинствѣ, должно проходить въ полосѣ сильнѣйшаго огня обороны. Едва ли будетъ возможно выполнить его съ должной послѣдовательностью, если только оборона держитъ мѣстность подъ дѣйствительнымъ огнемъ: *„съ одной стороны потому, что, при надежащейся службѣ наблюденія, развертыванія и связи, оборона всегда своевременно узнаетъ объ избранномъ направленіи удара, а съ другой—прежне требованіе развернуть артилерію въ одну ночь едва ли исполнимо“.*

„Затрудненія при развертываніи въ иныхъ случаяхъ могутъ быть непреодолимыми. Шварте въ своемъ примѣрѣ искусно пользуется внезапностью, но и то его осадныя батареи становятся на такихъ разстояніяхъ, что можно сомнѣваться въ дѣйствительности огня (гаубицы въ 2,000 саж., 21-см. мортиры въ 2,700 и 2,000 с., причемъ мортиры съ 2,000 с. получаютъ трудную задачу—разрушеніе малыхъ, плохо видимыхъ бетонныхъ сооруженій). *А. и. т., какихъ усилій стоитъ наступающему снабдить 68 тяжелыхъ орудій боевыми припасами. Ему приходится лишить запряжки всѣ свои парки и разгрузить ихъ повозки.* Чтобы показать, къ чему это можетъ повести, Шварте предполагаетъ вылазку гарнизона, и только прибытіе подкрѣпленія спасаетъ дивизію осаждающаго отъ крушенія“.

„Вообще, сочиненіе Шварте есть развитіе предостереженій „Die Festung“ отъ излишнихъ надеждъ на тяжелую артилерію полевой арміи: *„Весьма сомнительно, чтобы количество тяжелыхъ орудій, состоящихъ при современной полевой арміи, и особенно положенное къ нимъ число снарядовъ были достаточны для борьбы съ вооруженіемъ даже устарѣлой крѣпости. Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло при атакѣ отдѣльнаго форта“.* но Шварте въ своемъ трудѣ пытается доказать, что и въ этомъ случаѣ орудій и снарядовъ недостаточно“.

„Въ отношеніи распредѣленія артилеріи обороны Шретеръ обращаетъ вниманіе на примѣръ П.-Артура, говоря слѣдующее: *„Крайне важно сосредоточить всю артилерію обороны, чтобы достигнуть перевѣса въ огнѣ и не допустить развертыванія артилеріи атаки, это одинъ изъ главнѣйшихъ залоговъ успѣха; но разъ это случилось, и наступающей получить перевѣсъ, было бы безразсудно держать артилерію обороны сосредоточенно, ее слѣдуетъ сохранить для послѣдующей борьбы“.*

„Артилерійское состязаніе не есть цѣль, а лишь одно изъ средствъ, а потому дѣятельность артилеріи должна подчиняться общей задачѣ

обороны крѣпости, которая — что бы ни говорили — есть борьба за время¹⁾.

„Правильность этихъ возрѣвій подтверждается П.-Артуромъ. Чтобы русская артилерія особенно дѣятельно способствовала сопротивленію, до сихъ поръ не доказано, но зато всеми признано, что японская артилерія, несмотря на сдержанность противника, не оправдала надеждъ и не оказала существенной поддержки своей пѣхотѣ при ближнемъ ударѣ, а также не могла подготовить верховъ къ приступу. Правда, артиллеристы увѣряли, что японцы были слабы числомъ орудій, особенно навѣснаго дѣйствія, а притянутыя вполнѣдствіи 22-см. гаубицы были снабжены не фугасными, а обыкновенными гранатами; однако, въ числѣ орудій японцы имѣли несомнѣнный перевѣсъ (88 орудій крупнаго калибра противъ 112 разбросанныхъ русскихъ), и ихъ 28-см. гаубицы имѣли бризантныя гранаты, на что указываетъ необычайно разрушительное дѣйствіе снарядовъ. Еще примѣры 1870—1871 гг. показали, что нельзя во всемъ обвинять артилерію и требовать отъ нея дѣйствій, возможныхъ лишь на учебныхъ полигонахъ“.

„Поэтому давно уже пора отказаться отъ взгляда, что артилерія самостоятельно способна побороть укрѣпленное мѣсто и сълать безполезнымъ ближній ударъ“.

„Вотъ почему г. ф.-д.-Гольцъ снова предупреждаетъ отъ этихъ крайнихъ увлеченій, ссылаясь на необходимость: необычайно точной стрѣльбы; правильнаго опредѣленія разстояній; знанія очертанія укрѣпленій,—и на недостаточность боевого комплекта“²⁾.

„Послѣ изложеннаго тѣмъ страннѣе утвержденіе Людвига, что, благодаря артилеріи, приступъ будетъ рѣдокъ, и правильная осада можетъ быть замѣнена ускоренной, подготовленной артилерійскимъ огнемъ. Еще поразительнѣе, что тѣ же взгляды приводятся въ „Die Festung“, гдѣ совѣтуютъ примѣръ Велингтона противъ двухъ совершенно устарѣлыхъ крѣпостей примѣнять и для современной крѣпости, и попутно ставится упрекъ медленному ходу осады Страсбурга въ 1870 г.³⁾ Однако, нѣкоторые, въ томъ числѣ Фробениусъ⁴⁾, возстали противъ подобныхъ взглядовъ, доказавъ ихъ неправильность. Подготавливаемые недѣлями японскіе приступы П.-Артура терпѣли неудачу у долговременныхъ укрѣпленій, т. к. артилерія наступающаго не могла ни привести къ бездѣйствію орудій обороны, ни достаточно разрушить оборонительныя средства, ни повліять на духъ защитниковъ. Взгляды Людвига и „Die Festung“ объясняются лишь тѣмъ, что они высказаны еще въ 1904 г., т. е. до рѣшительныхъ боевъ подъ П.-Артуромъ“⁵⁾.

В. Ближній ударъ.

„Ближній ударъ, т. е. предолѣніе широкой полосы мѣстности, отдѣляющей артилерію наступающаго отъ главнаго боевого расположенія обороны,—наименѣе выясненъ и наиболѣе труденъ для изученія. А между

1) Пиршеръ «Осада Страсбурга». Давно ли нѣмцы такъ заговорили?

2) Ф.-д.-Гольцъ «Портъ-Артуръ».

3) Это не совсѣмъ такъ. «Die Festung» беретъ примѣръ Велингтона между прочимъ, а главное для нея—Измаилъ и Карсъ.

4) Фробениусъ. Военно-историческіе примѣры дѣйствій подъ крѣпостями.

5) Т. е. нашей, кровью куплено спасеніе нѣмцевъ отъ ихъ заблужденій... И это говорится прямо открыто... (Сост.).

тѣмъ. знать его крайне необходимо, ибо современная борьба за крѣпости весьма отличается отъ прежней. Нынѣ сила крѣпости измѣряется уже не высокими валами и не глубокими рвами, не мертвыми средствами обороны, дающими защитникамъ укрытіе, а противнику—возможность съ малыми потерями приблизиться къ послѣднимъ препятствіямъ, чтобы отсюда окончательно помѣряться силами на тѣсномъ пространствѣ“.

„Теперь главная сила обороны въ крѣпостной артиллеріи съ ея мощными снарядами и навѣсной стрѣльбой, которая могущественнѣйшимъ образомъ помогаетъ обороняющемуся развить наступательныя дѣйствія“¹⁾.

„Крѣпостная борьба перенеслась съ валоу въ поле, причемъ, послѣ паденія передовыхъ позицій, тѣ же верки становятся опорными точками обороны въ борьбѣ за впередилежащую мѣстность, и только съ поперекъ ея они являются послѣднимъ оплотомъ своихъ защитниковъ“.

„Постепенно возросшая сила артиллеріи, сдѣлавъ невозможнымъ пребываніе защитниковъ на высокихъ валахъ, обвѣзчила прежнюю сплошную крѣпостную ограду, заставивъ перенести центръ сопротивленія на форты, но если кто либо думалъ, что при поясъ фортовъ артиллерія достигнетъ тѣхъ же послѣдствій, тотъ сильно ошибался, и это, какъ нельзя лучше, подтвердилось П.-Артуромъ. Поэтому, при ближайшемъ ударѣ пѣхота должна, отказавшись отъ мысли, что ей придется лишь пожинаать плоды успѣха, достигнутаго артиллеріей, приготовиться къ кровавой и упорной борьбѣ за каждую пядь земли, которая приближаетъ ее къ неприятелю. Конечно, здѣсь не можетъ быть рѣчи о безразсудномъ ускоренномъ ударѣ или о приступѣ, не задумываясь ни передъ какими жертвами, какъ въ прежнихъ турецкихъ войнахъ или въ П.-Артурѣ; наоборотъ, необходимо помнить, что ближайшій ударъ требуетъ жертвъ, но зато и стоитъ ихъ“.

„Но если нисегда слѣдуетъ оставить надежду, что осадной артиллеріи наступающаго удастся окончательно подавить дѣйствія артиллеріи обороны, то одновременно съ открытіемъ огня изъ крупныхъ орудій, пѣхота наступающаго должна приступить къ выполнению своихъ прямыхъ задачъ, т. е. перейти къ ближайшему удару“.

Далѣе обзоръ выясняетъ разницу между ближайшимъ ударомъ и приступомъ, что многими писателями смѣшивается и порождаетъ путаницу понятій. По его мнѣнію:

„До сихъ поръ никогда не возбуждался вопросъ о томъ, чтобы при мѣнить тактическіе приемы полевой войны къ крѣпостямъ, да въ этомъ не было и надобности въ силу существеннаго различія этихъ двухъ видовъ дѣйствій. Въ настоящее время произошло замѣтное сближеніе, если не съ чисто полевыми дѣйствіями, то во всякомъ случаѣ съ борьбой за заблаговременно укрѣпленныя расположенія, хотя и остается внѣшняя разница, вытекающая изъ обезпеченности крѣпости со всѣхъ сторонъ и большей ея самостоятельности, благодаря чему Фричъ совершенно справедливо замѣчаетъ: „Обходъ или полное окруженіе; столь гибельное для полевой позиціи, для крѣпости желательно; кто хочетъ

¹⁾ И здѣсь, какъ видно, пока еще, все то же, хотя и съ цѣлью «помочь обороняющемуся развить наступательныя дѣйствія».

здѣсь побѣдить, тотъ долженъ побѣдить фронтально“¹⁾. Кроме того, нужно быть готовымъ ко всякаго рода случайностямъ, которыя заста-вятъ наступающаго цѣлыми недѣлями держаться въ полосѣ огня оборо-няющагося, и было бы ошибочно для выигрыша времени довольство-ваться малыми профилями и легкими закрытіями, пренебрегать устрой-ствомъ ходовъ сообщеній, суживать полосу удара и т. п., какъ это дѣ-лали въ Страсбургѣ (1870 г.), только потому, что хотѣли наверстать время, потерянное при первоначальномъ обстрѣливаниіи“.

„Дошедшія (къ 1-му января 1906 г.) свѣдѣнія, къ сожалѣнію, еще не дали, на какомъ протяженіи и съ какихъ разстояній велся ближайшій ударъ японцевъ, какъ онъ раздѣлялся въ глубину, какъ былъ обосно-ванъ, какія препятствія и пространства преодолевались въ извѣстное время. И только судя по длительности его, съ конца августа по декабрь, можно составить представленіе о тѣхъ трудностяхъ, которыя имъ при-шлось преодолѣть. Въ частности, обращаетъ на себя вниманіе большая глубина окоповъ, безъ насыпей и съ прикрытіемъ только толщею земли. Причина тому, повидимому, желаніе лучше укрыться отъ взоровъ и вы-стрѣловъ, но слѣдствіе—большая и медленная работа. Т. к. японцы при-мѣняли германскій способъ возведенія окоповъ, то можно полагать, что они закладывали первоначально стрѣлковыя окопы, а затѣмъ доводили ихъ до нужной степени совершенства. Слѣдовательно, это было почти то же, что дѣлали нѣмцы подъ Страсбургомъ“.

„Если первый неудачный и неподготовленный приступъ П.-Артура и не удивилъ знатоковъ дѣла, то многіе думали, что достаточно япон-цамъ приблизиться на нѣсколько сотъ шаговъ къ фортамъ и занять под-готовительное къ приступу расположеніе, чтобы привести къ паденію русскіе форты, такъ какъ артилерія, казалось, получитъ достаточно вре-мени, чтобы подготовить укрѣпленія къ приступу“.

„Но когда всѣ прочіе приступы съ самыхъ кратчайшихъ разстояній были отбиты, а наступающій вынужденъ былъ прибѣгнуть къ помощи всѣхъ вспомогательныхъ инженерныхъ средствъ, не исключая и минъ, *давно считавшихся отошедшими въ область преданій,*“²⁾ то тѣ лица, которыя.— подобно французской школѣ, считавшей удобовосходимый обвалъ доста-точнымъ предлогомъ для заключенія капитуляціи,—были близки къ пра-вильно, что послѣ завоеванія подготовительнаго къ приступу расположе-нія всякая крѣпость должна пасть,—получили у націи *низшей культуры* урокъ геройства, изъ котораго они узнали, *что вся преувеличенная нау-ка могущества современной артиллеріи крайне сомнительна*“³⁾. Изъ это-го вытекаетъ другой выводъ: мы слишкомъ низко цѣнили значеніе са-перныхъ войскъ при приступѣ, полагая, что всю главную работу выпол-нитъ артилерія, саперамъ же останется только докончить сдѣланное. А между тѣмъ, японцы были вынуждены обучать саперъ на мѣстѣ, *доведя ихъ численность до одной трети осаждающихъ силъ*; потери въ нихъ были баснословны. *Чѣмъ же „покроемъ мы, нѣмцы, свои недочеты въ этомъ отношеніи въ случаѣ борьбы съ русскими крѣпостями?“*⁴⁾.

1) Kriegstechn. Zeitschr, 1904 г., № 10; Медикусъ «Къ исторіи крѣпостной войны».

2) А кто же въ этомъ больше всѣхъ виноватъ?!

3) А насколько мы, русскіе это примемъ къ свѣдѣнію? Хороша, однако, здѣсь «низшая культура»...

4) Настоячиво напоминаю неразъ уже высказанное: нѣмцы на нашей крови учатся дѣйствіямъ противъ насъ.

2. Оборудованіе крѣпости.

А) Раздѣленіе обороны въ глубину.

«Первый большой приступъ японцевъ съ 6 по 11-е Августа 1904 г., не былъ вовсе столь неудаченъ, какъ думали сначала, ибо при извѣстіи о захваченныхъ укрѣпленіяхъ дѣло шло о верхахъ уже въ непосредственной связи съ главными фортами. Отсюда 2 вывода: 1) оборона мѣстности передъ фортами должна возлагаться только на долговременные верки ¹⁾; огромное значеніе, что русскіе имѣли лишь вспомогательныя передовыя укрѣпленія на сѣв. участкѣ, выразилось въ томъ, что, овладѣвъ ими, японцы совершенно спокойно повели свои подступы къ фортамъ II и III. 2) Необходимо расчленять оборону въ глубину. Въ заключеніе слѣдуетъ еще разъ подчеркнуть, что требованіе Шретера о достаточной силѣ выдвинутыхъ передовыхъ укрѣпленій—болѣе чѣмъ основательно“.

Б) Данныя по устройству крѣпостей.

Обзоръ говоритъ, что въ новѣйшихъ проектахъ Шретеръ снабжаетъ свой отдѣльный бронированный флотъ контръ-эскарповой галереей съ контръ-минной системой. Это—тоже вліяніе П.-Артура. Чѣмъ болѣе подтверждается неизбѣжность минной борьбы, тѣмъ нужнѣе изученіе ея и снабженіе всѣхъ крѣпостей контръ минными галереями.

„Хотя сила мертваго сопротивленія П.-Артурскихъ верковъ была гораздо ниже Западно-Европейскихъ крѣпостей, но артилеріи наступающаго не удалось приготовить ихъ къ приступу, или хотя бы облегчить его. Отсюда слѣдуетъ, что въ будущемъ надо ожидать появленія орудій навѣснаго дѣйствія еще болѣе крупныхъ, нежели существующія; само собою разумѣется, что чрезмѣрный грузъ исключаетъ возможность перевозки ихъ въ запряжкѣ“ ²⁾.

Это замѣчаніе Шретера заставляетъ «Обзоръ» обратиться къ довольно любопытному и хорошо рисуящему нашу отсталость разсмотрѣнію нѣкоторыхъ данныхъ устройства *русскихъ оборонительныхъ построекъ* и къ признанію общей ихъ слабости и нецѣлесообразности, *вытекающей изъ неправильныхъ основаній въ расчетахъ.*

Что касается нѣмцевъ, то о нихъ говорится скромно, что «*придется, быть можетъ*», (!!) *производить новые опыты надъ существующими сводами...*

Далѣе Ежегодникъ 1906 г. касается брони.

„Какъ извѣстно, броня не пользуется почетомъ у русскихъ инженеровъ, а потому и въ П.-Артурѣ ея не было; противощтурмовыя орудія

¹⁾ Однако Куропаткинскій редутъ, Ведопроводный и др., гора Высокая держали мѣсяцы, и сами японцы усдѣли до конца въ редутахъ.

²⁾ Шретеръ. Портъ-Артуръ.

сохранялись въ убѣжищахъ, расположенныхъ подъ валонъ, но могутъ случиться такія обстоятельства, когда на выкатку орудій не хватитъ времени. Если русскіе считаютъ, что атакующій на движеніе отъ своей штурмовой позиціи долженъ употребить 3—4 минуты, то Шаръ считаетъ всего 2—3 мин. ¹⁾ Но надо отдать справедливость, что нынѣ даже и гг. Величко и Казбекъ начинаютъ склоняться къ броневымъ куноламъ и казематамъ (первый для орудій отдѣльныхъ фортовъ, второй для орудій охранительнаго вооруженія), и вѣроятно близко время, когда броня получитъ право гражданства и въ Россіи“.

„Что касается искусственныхъ препятствій, то они не ушли впередъ отъ временъ гладкой артилеріи. Явленіе это скорѣе всего слѣдствіе слѣпой вѣры въ силу артилеріи, которой даже при лобовомъ дѣйствіи придавали ²⁾ большее значеніе, чѣмъ мертвымъ преградамъ. Однако, искусственныя препятствія оправдали себя подъ П.-Артуромъ, несмотря на предположенія, что артилерія легко разрушитъ ихъ, оставивъ на долю саперъ только расчистку проходовъ для „шурмовыхъ колонъ“. Такое ничтожное препятствіе, какъ проволочныя загражденія шириной 3 шага, не поддавались дробящимъ снарядамъ. Японскимъ саперамъ, при электричествѣ, пришлось уничтожить проволочныя сѣти подъ сильнѣйшимъ огнемъ обороны и нести громадныя потери, несмотря на пробы окружать себя дымовыми масками и прикрываться металлическими щитами при подвѣзкѣ подрывныхъ зарядовъ къ кольямъ“.

XVI. Современные взгляды заграницей на борьбу за крѣпости.

Таково было сужденіе заграницею, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ нашего горькаго опыта выниманія для нея каштановъ изъ огня...

Отчеты Лебеля за послѣдующіе годы позволяютъ прослѣдить, какъ эти взгляды все болѣе прояснялись и принимали окончательный видъ. Столь же тщательно отмѣчаются всѣ новые труды (у насъ особенно ф. Шварца, заграницей Фритча—этого послѣдняго, какъ продолжателя дѣла Гервина, но склонившагося къ сближенію крѣпости и поля, къ работѣ дивизій на своихъ участкахъ, къ видоизмѣненію задачъ артилеріи и т. д.), и такъ же зрѣло подводятся итоги всего. Большое вниманіе удѣлено значенію тяжелой артилеріи полевой арміи. Много появилось трудовъ по обученію войскъ для дѣйствій подъ крѣпостями и по строительству этихъ послѣднихъ.

¹⁾ Шаръ «Борьба за крѣпости и пионеры». Но, онъ забываетъ то, что выѣзды будутъ изрыты воронками, а выходы изъ сквозняковъ, почему то у насъ въ П.-Артурѣ даже не загнутыхъ для дефилированія, а прямыхъ, будутъ подъ огнемъ.

²⁾ Добавлю... «писатели—инженеры...» (Соет.).

Ежегодникъ 1909 г., какъ я уже говорилъ, приводитъ все въ окончательный видъ по сочиненіямъ и трудамъ 1908 г. Главнымъ образомъ онъ основывается на новомъ германскомъ полевомъ уставѣ, на трудахъ австрійца Ханика, на итальянскомъ наставленіи, на трудахъ француза Пьеронъ-де-Мондезира «Броневыя укрѣпленія» и др. и, и изъ нашихъ писателей, на трудахъ А. В. ф. Шварца.

Первый выводъ этого «отстоявшагося» Ежегодника—*необходимость связать вопросы дѣйствій подъ крѣпостями съ общемою стратегическою обстановкою войны.* Эта попытка, между прочимъ, удачно сдѣлана кап. Эсте въ его трудѣ «*Прикрытіе обложженія и осады укрѣпленныхъ мѣстъ противъ вырочки*» (гдѣ выводы весьма близки къ моимъ, и особенное вниманіе также обращено на осаду Бельфора).

Второй выводъ — работы А. В. ф. Шварца, нѣмцевъ (главнымъ образомъ новый полевой уставъ), французовъ (Пьеронъ-де-Мондезиръ) и итальянцевъ (служебное наставленіе для осады) *доказали полную безуспѣшность приступа, тщетность надежды на одну артилерію и вѣру только въ одинъ способъ—осаду.*

Третій выводъ—упорядоченіе взглядовъ на самую борьбу подъ крѣпостями на почвѣ слѣдующаго положенія германскаго устава полевой службы: «*Борьба за крѣпость начинается дѣйствіями въ полѣ и только постепенно переходитъ въ борьбу за обладаніе верками, съ примѣненіемъ могущественнаго дѣйствія артилеріи и всѣхъ техническихъ средствъ*». Дѣйствительно, въ этихъ короткихъ словахъ полевого устава заключаются всѣ видоизмѣненія борьбы за крѣпость: подходъ къ крѣпости, привлеченіе всѣхъ осадныхъ средствъ и самая борьба при взаимной поддержкѣ другъ друга всѣхъ родовъ войскъ, вплоть до рѣшительнаго ближняго удара. Въ этомъ положеніи я нахожу созрѣвшіе наконецъ и у нѣмцевъ взгляды: что осада крѣпости не есть какая либо частность, находящаяся внѣ зависимости отъ дѣйствій полевой арміи, и выполнение коей можетъ быть возложено на второочередныя части; что въ борьбѣ за крѣпость нельзя рассчитывать на рѣшающее дѣйствіе артилеріи, а потому необходимо озаботиться еще и привлеченіемъ всѣхъ вспомогательныхъ техническихъ средствъ; наконецъ, что рѣшеніе принадлежитъ пѣхотѣ въ ея ближнемъ бою,—и что вслѣдствіе того артилерія и саперы должны оказывать другъ другу полную взаимную поддержку, болѣе всего для того, чтобы помочь пѣхотѣ продвинуться впередъ.

Нѣсколько несогласно съ моими взглядами судить итальянское новое наставленіе для дѣйствія подъ крѣпостями. Оно различаетъ подходъ, завязку и рѣшеніе, причемъ первый заканчивается обложеніемъ, послѣдній же заключаетъ лишь приступъ. Завязка обнимаетъ не только дальнюю, но и ближнюю артилерійскую подготовку. Достойно, однако, вниманія, что уже при подходѣ къ крѣпости полевая артилерія должна усиливаться не только тяжелыми полевыми батареями, но и частью «подвижнаго отдѣленія осаднаго артилерійскаго парка», т. е. запряженными осадными батареями вмѣстѣ съ ихъ муниціонными колонами. Подобное усиленіе полевой артилеріи вызывается необходимостью *захвата выдвинутыхъ впередъ укрѣпленныхъ позицій*, вооруженныхъ нерѣдко орудіями среднихъ калибровъ, съ цѣлью завершить обложеніе возможно полнѣе и ближе къ крѣпости. Видимо, итальянцы, ввиду общихъ успѣховъ германскихъ взглядовъ, взяли эту частность изъ стараго германскаго наставленія для осадъ (1902 г.).

Въ свою очередь, извѣстный молодой австрійскій писатель, пор. Ханика, находитъ возможнымъ, при благопріятныхъ мѣстныхъ условіяхъ, открывать огонь противъ фортовъ однѣми тяжелыми мортирными батареями, которыя поэтому должны быть доставлены ранѣе другой артилеріи.

Противъ упрека, что этимъ самымъ обнаруживается направленіе удара, и противникъ можетъ принять мѣры противодѣйствія, онъ справедливо возражаетъ: *«Кто допускаетъ, что обороняющійся можетъ быть введенъ въ заблужденіе, и кто считаетъ невозможнымъ развернуть осадную артилерію подъ непріятельскимъ огнемъ, тотъ, конечно, не согласится съ раннимъ открытіемъ мортирнаго огня. Тотъ же, кто допускаетъ, что разведка, шпіоны и наблюденія дадутъ возможность противнику выяснитъ хотя бы отчасти обстановку у осаждающаго, кто, вмѣстѣ съ тѣмъ, признаетъ за обороной линію данную въ смыслѣ наличія «артилерійскаго резерва», тотъ не долженъ видѣть въ обнаруженіи направленія удара особыя невыгоды, даже въ томъ случаѣ, если осадная артилерія и развернется сосредоточенно».*

Четвертый выводъ—подраздѣленіе удара на дальній и ближній ведетъ начало съ тѣхъ временъ, когда признавали, что пѣхота должна начинать наступленіе только послѣ того, какъ осадная артилерія обезпечитъ за собою перевѣсъ въ огнѣ. *Нынѣ было бы целесообразнѣе, чтобы ближній ударъ начинался со вступленія*

въ дѣйствительный ружейный огонь фортового пояса, до чего артилерія осады обязана приготовить въ достаточной степени намѣченный прорывъ, если она вообще стоитъ на высотъ поставленной ей задачи,—т. е. именно то, что не разъ высказано мною выше ввидѣ требованій взаимодѣйствія силъ на началахъ подавленія встрѣчныхъ ударовъ обороны.

При такомъ одновременномъ артилерійскомъ и пѣхотномъ дальнемъ ударѣ, усложняется, конечно, задача артилеріи—поддерживать наступленіе своей пѣхоты. И здѣсь я предостерегаю отъ той крайности, въ которую вновь ударяются нѣмцы. Нынѣ они признаютъ за артилеріей уже значеніе лишь вспомогательнаго оружія. «Главный же родъ войскъ осады и обороны крѣпости, это—пѣхота». Но мало того:

«Крѣпость, защищаемая стойкой пѣхотой, можетъ долго держаться, несмотря на слабость своей артилеріи. Наоборотъ, многочисленная артилерія, при недостаткѣ пѣхоты, не можетъ оказать на исходъ борьбы рѣшительнаго вліянія». Нѣтъ сомнѣнія, что это не такъ, хотя и говорится для того, чтобы: «стремленіе подавить, ослабить и потрясти неприятельскую пѣхоту» было «красной нитью всѣхъ мѣропріятій артилеріи».

Пятый выводъ. Въ отношеніи важности, цѣли артилеріи надо нынѣ дѣлать слѣдующимъ образомъ: 1) верки на участкѣ удара; 2) открыто стрѣляющая артилерія противника и та, мѣстоположеніе коей можетъ быть точно развѣдано; 3) боевыя мѣста пѣхоты. *Виды огня:* а) противъ укрѣпленій—исключительно навѣсный огонь мортирь, соединяя ихъ въ возможно большемъ числѣ; б) для борьбы съ промежуточными батареями противника,—огонь главныхъ силъ артилеріи осады. Здѣсь, очевидно, бой сведется къ состязанію двухъ большей частью невидимыхъ противниковъ. Поэтому борьба будетъ затяжная и нерѣшительная. Важны воздухоплавательные приборы и особенно, по моему, управляемые. Вновь выступить на первое мѣсто огонь гранатный. Наболѣе подходящее для этого орудіе гаубица, вопреки увѣреніямъ нѣкоторыхъ лицъ у насъ, что лучше 6 дм. пушки въ 200 п. (нескорострѣльной, тяжелой и пр.)—выдумать ничего нельзя.

Укажу, что итальянцы считаютъ еще, по старому, артилерійскій поединокъ главной задачей осадной артилеріи, а все остальное второстепеннымъ. Наоборотъ, германскій полевой уставъ короче и яснѣе обуславливаетъ, что: «По мѣртъ отступленія обороны на главную позицію, сторожевое охраненіе обѣихъ сторонъ

постепенно обращается въ передовую боевую линію и переходитъ, наконецъ, въ боевое расположеніе. Расположеніе и дѣятельность сторожевого охраненія, особенно передъ атакованными фортами, служатъ основаніемъ для дальнѣйшаго развитія осады. Самостоятельныя дѣйствія сторожевыхъ постовъ во многихъ случаяхъ облегчаютъ осаду, такъ какъ, находясь въ самомъ полѣ наступленія, часто только они въ состояніи правильно оцѣнить благоприятную обстановку и использовать ее быстрыми рѣшительными дѣйствіями. Однако, при такихъ предпріятіяхъ, имѣя ввиду цѣльность общей задачи, необходимо, чтобы младшіе начальники были ознакомлены съ послѣдующими ближними цѣлями осады (311)». И далѣе: «Сторожевое охраненіе, во всякомъ случаѣ, должно быть въ состояніи обезпечить достигнутый успѣхъ и удержать на боевой линіи вылазки непріятеля до подхода подкрѣпленій. Полевая артиллерія или придается сторожевому охраненію, или держится наготовѣ позади. Піонеры, осветительныя части и шанцевый инструментъ придается, если нужно, изъ піонерныхъ осадныхъ парковъ (312)». Если къ этому прибавить еще ст. 321 устава: «Части, до ротъ включительно, несутъ обыкновенную службу въ однихъ и тѣхъ же участкахъ», то мы будемъ имѣть полную и ясную картину дѣйствій осады. Какой шагъ впередъ послѣ 1900 года! Какая разница со столь восхваляемыми наставленіями Тотлебена подъ Плевной, гдѣ все было предусмотрено и расписано на 24 случая, а турки, между тѣмъ, выбрали 25-й, и притомъ поразительный по своей простотѣ, наиболѣе естественный и наиболѣе предсказывавшійся Скобелевымъ. Да не потому ли и держали безнокойнаго «Бѣлаго генерала» подальше отъ мѣста прорыва Османа 28 ноября 1877 г.! Сравнимъ эти §§ 311, 312 и 321 хотя бы со ст. 297 стараго полевого устава: «Съ развитіемъ наступленія, сторожевое охраненіе исполняетъ свою задачу въ предѣлахъ хода дѣйствій, опредѣляемаго особыми наставленіями», которыя держались въ тайнѣ и тѣмъ, какъ справедливо говоритъ «Ежегодникъ», препятствовали подготовкѣ пѣхоты для борьбы за крѣпости.

Наша тайна и понынѣ здѣсь даже полнѣе, нежели германская прежняя: у насъ просто нѣтъ никакихъ указаній, кромѣ отдѣльной попытки ген. Казбека, да прописныхъ истинъ въ учебникахъ.

Шестой выводъ—и при ближнемъ ударѣ слѣдуетъ опредѣлить главнѣйшія цѣли, дабы цѣлесообразнымъ распределеніемъ огня предупредить его разбрасываніе. «Пѣхота оборо-

няющагося дать себя чувствовать все больше и больше по мѣрѣ вступленія въ полосу средней дальности ружейнаго огня. Близость наступающаго заставитъ большую часть ея держать на боевыхъ позиціяхъ или въ небольшомъ удаленіи отъ нихъ. Если съ самаго начала слѣдовало стремиться къ обстрѣливанію открыто появляющейся пѣхоты, то теперь это стремленіе выдвигается рѣшительно на первое мѣсто, безразлично будь то пѣхота укрытая или открытая. Окопы и промежуточные укрѣпленія въ промежуткахъ, прилегающихъ къ фортамъ, обстрѣливаемымъ тяжелыми мортирами, должны быть, какъ и сами форты, приведены къ молчанію до начала приступа. Эта задача возлагается на осадныя гаубицы, сосредоточивая огонь нѣсколькихъ батарей постоянно на одной и той же цѣли».

«Непріятельскія батареи, которыя до того не могли быть приведены къ молчанію, а также и батареи, выдвигаемыя противникомъ впередъ въ ожиданіи приступа обстрѣливаются полевыми гаубицами».

Въ отношеніи *ближняго удара пѣхоты* признано, наконецъ, что въ дѣйствительномъ ружейномъ огнѣ пѣхота можетъ продолжать свое наступленіе скачками, а равно и повести приступъ съ разстоянія 300—400 ш. отъ противника, — *лишь при особо благоприятныхъ къ тому условіяхъ*. Не то ли говорилъ еще въ 1902 г. Смекаль?

Въ достоинство итальянцевъ я поставлю здѣсь, что они не скрываютъ необходимости, имѣя дѣло съ дѣятельнымъ противникомъ, прикрываться соответствующими работами вплоть до наружнаго рва и даже выдержать борьбу за контръ-эскарпъ: опыты П.-Артура здѣсь весьма убѣдительны.

Седьмой выводъ: сознаніе, что артиллерія не въ силахъ подготовитъ приступа долговременныхъ верковъ, болѣе всего должно проявиться при борьбѣ за отдѣльный веркъ, какъ, на примѣръ, фортъ-заставу, или за отдѣльный фортъ въ горахъ. Естественно, это сквозитъ болѣе всего у итальянцевъ, и итальянское наставленіе удѣляетъ этому отдѣлу цѣлую главу. Имъ же занялся и подп. Пьеронъ-де-Мондезиръ, взгляды котораго также заслуживаютъ особаго вниманія.

Фортъ-застава, по Мондезиру, только тогда выполняетъ задачу, когда онъ своимъ расположеніемъ и артилерійскимъ вооруженіемъ *можетъ помѣшать противнику возстановитъ преднамѣренно разрушенныя искусственныя сооруженія преграждаемаго пути,*

напримѣръ, желѣзной дороги. Только для этой цѣли и долженъ служить огонь его тяжелыхъ орудій въ броневыхъ установкахъ. Въ иныхъ случаяхъ эти орудія должны молчать, не стараясь удерживать противника возможно дальше отъ себя или же состязаться съ его артилеріей. Правильно или неправильно, но Мондезиръ придаетъ главное значеніе мертвому препятствію, а потому у него лишь въ борьбѣ за обладаніе этимъ препятствіемъ артилерія должна проявить свою силу для поддержки пѣхоты. Броневыя орудія, во всякомъ случаѣ, должны укрываться отъ непріятельскаго огня: вращающіяся броневыя башни—поворотомъ купола, а подъемныя—опусканіемъ. Наступающему представляется три способа для обезвреживанія форта: а) приступъ, съ усиленнымъ предварительнымъ обстрѣливаніемъ; б) уничтоженіе фортовыхъ орудій, послѣ чего можетъ быть возстановленъ запираемый путь; и в) правильная осада.

Наименѣе исполнимымъ Мондезиръ считаетъ приступъ. По этому поводу ген. Ланглуа высказываетъ, что даже только бригада пѣхоты съ полевыми гаубицами можетъ *въ 1 минуту* выпустить противъ подобнаго форта-заставы *144 снаряда* и воспрепятствовать всякому проявленію его дѣятельности. Подъ покровомъ этого града снарядовъ и подъ защитой дыма 60-ти шрапнелей въ минуту пѣхота можетъ безпрепятственно подойти къ наружному рву форта. И хотя артилерія наступающаго должна будетъ прекратить огонь, но оборона поспѣетъ занять валъ лишь тогда, если не будутъ засыпаны выходы и разрушены лѣстницы ¹⁾).

Въ этомъ случаѣ, оборона должна будетъ уступить превосходящимъ силамъ противника.

Мондезиръ возражаетъ на это,—но я съ нимъ согласиться не могу,—что: *«Какъ бы велико ни было превосходство силъ, все же совмѣстный ружейный и орудійный огонь обороны заставитъ противника, ворвавшись въ обезпеченный отъ приступа ровъ, повернуть назадъ».*

Я опускаю здѣсь, далѣе, споръ нѣмца Шмальца и француза Гумберта, способны ли *именно французскіе офицеры* на такое доблестное поведеніе обороны. Укажу только, что этотъ споръ вполне понятенъ при обиліи фортовъ-заставъ на франко-германской границѣ, и что столь же безнадежной, какъ ударъ открытою силою, Мондезиръ считаетъ попытку вывести изъ строя тяжелыя

¹⁾ См. выше мой взглядъ на наши противотурмовыя орудія и убѣжища для ихъ выкатки при приступѣ по изрытой землѣ и черезъ заваленные сквозняки.

орудія форта, укрытыя въ броневыхъ установкахъ, съ тѣмъ, чтобы безнаказанно возстановить пути, запираемые фортомъ. Хотя амбразуры вращающихся башенъ, говорить онъ, и подвергаются опасности разрушенія, т. к. для полного поворота башни требуется двѣ мин. времени, но башни подъемныя неуязвимы, ибо для поднятія или опусканія своего онѣ требуютъ лишь $4\frac{1}{2}$ сек. Но, глубоко вѣря, что фортъ-заставу (броневой) можно *взять* лишь *осадою*, Мондезиръ срокъ этой осады исчисляеть всего въ двѣ недѣли, а включая время, необходимое для предварительныхъ работъ по подготовкѣ атаки, не болѣе трехъ недѣль... Какъ далеко это отъ мечтаній нѣкоторыхъ лицъ у насъ имѣть *на ровной мѣстности форты-заставы сопротивляемости до 4—6 мѣсяцевъ*.

Восьмой выводъ, по развитію взглядовъ на постройку крепостей,—примыкаетъ весьма сильно къ высоко-почтеннымъ трудамъ А. В. ф.-Шварца, переведеннымъ на иностранные языки и заслужившимъ себѣ самую почетную извѣстность. Соперникомъ ему, но съ преимуществами все же для А. В. ф.-Шварца, признается лишь Дегизъ. А именно, принимаются взгляды нашего П.-Артурскаго защитника: 1) *на ружейный огонь, какъ основу обороны* ¹⁾; 2) на устройство фортовъ; 3) на обезпеченіе фортовъ отъ приступа; 4) на укрѣпленіе промежутковъ, и 5) на расчлененіе обороны въ глубину съ огромнымъ уваженіемъ къ передовымъ позиціямъ. Къ сожалѣнію, упущенъ важнѣйшій вопросъ—объ оборонѣ, какъ это предлагалъ я, рововъ укрѣпленій не изъ сооружений въ самыхъ этихъ рвахъ, а изъ сосѣднихъ верковъ. Мало также рѣчи и о пресловутыхъ промежуточныхъ капонирахъ.

Девятый выводъ—по вопросу о «группахъ укрѣпленій». Послѣ 1870 г., при возведеніи новыхъ укрѣпленій, во Франціи неоднократно приходилось прибѣгать, вслѣдствіе особенностей мѣстности, къ расположенію опоръ фортового пояса отдѣльными «группами». Позднѣе, крупныя успѣхи артилеріи (дальность, мѣткость и разрушительное дѣйствіе снарядовъ) натолкнули на мысль избѣжать невыгодъ скученнаго расположенія разсредоточеніемъ главнѣйшихъ составныхъ частей и самаго форта, чтобы тѣмъ вызвать раздѣленіе непріятельскаго огня. То и другое повело къ устройству «укрѣпленныхъ группъ». Въ 1908 г. заграницей этимъ вопросомъ занялись особенно два писателя ²⁾: Дегизъ и Ханика, но каждый

¹⁾ См. также часть 1-ю моего труда, мое о томъ предложеніе.

²⁾ О спорѣ за первенство нашихъ инженеровъ, опоздавшихъ въ этомъ вопросѣ на 20 лѣтъ, я уже говорилъ въ 1-й части.

изъ нихъ понимаетъ его по своему. *Первый*—какъ усиленіе самостоятельнаго форта или группы нѣсколькихъ фортовъ небольшими вспомогательными сооруженіями; *второй же*, наоборотъ, какъ *полное раздѣленіе укрѣпленія на его составныя части*.

Ханика находить, что современный отдѣльный фортъ, подвергнувшись огню многочисленныхъ тяжелыхъ мортиръ, будетъ приведенъ въ короткое время въ совершенную негодность. Онъ приводитъ расчетъ, что 4 соединенія, по 16 мортиръ каждое (всего 64 ор.), при наименьшей глубинѣ укрѣпленія въ 14 саж. и при 40% попаданія, засыпать его 768 бомбами въ сутки, что соответствуетъ почти 1,000 пуд. взрывчатаго вещества. «*Даже самые малые современные форты*», говоритъ онъ, «*все-таки еще такъ велики, что перехватываютъ самую густую часть снапа выстрѣловъ, и такъ малы, что могутъ быть поражены самымъ дѣйствительнымъ огнемъ незначительнаго числа орудій*». Поэтому Ханика предлагаетъ разложить укрѣпленія въ рядъ «группъ», вооруженныхъ скорострѣльными пушками и соединенныхъ стрѣлковыми валами, дающими возможность поддерживать оборону «группъ», какъ впередъ, такъ и въ стороны. Таковы и суть, напр., болѣе новыя нѣмецкія «Feste» въ Мецѣ и пр. мѣстахъ, тогда какъ болѣе старыя изъ нихъ ближе къ мыслямъ Дегица.

Нельзя отрицать, что задача неприятельскихъ мортиръ—привести въ негодность подобную,—ту или другую,—опорную точку,—чрезвычайно затрудняется.

Но особенно любопытно отмѣтить, что ту же мысль разредоточенія жизненныхъ частей укрѣпленія предложилъ еще около 1886 г. неизвѣстный нѣмецкій писатель подъ именемъ «Пионера», отзываясь на устѣхъ бомбъ-торпедъ, просмотрѣнные (см. ч. I) инженерами вообще, Бриальмономъ особенно. Презрительное молчаніе инженеровъ встрѣтило тогда этотъ трудъ. Писатель такъ и не открылъ себя, вѣроятно, устыдясь своей смѣлости. Но вотъ, 20 лѣтъ спустя, его твореніе ожило, но тогда, когда самъ родоначальникъ его, быть можетъ, уже въ могилѣ. Любопытно также и то, что когда наши инженеры въ 1908 г. спорили, кто изъ нихъ первый изобрѣлъ «группы» (см. ч. I и прим. выше), они забыли, что въ Краковѣ эти «группы» широко примѣнены еще въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія...

XVII. Окончательные выводы.

Итакъ, всё двинулись впередъ: австрійцы, нѣмцы, французы италянцы, какъ будто даже и мы... Но мы именно *какъ будто*, ибо ни А. В. ф.-Шварцъ, ни Н. А. Буйницкій, ни г. Голенкинъ, съ его блестящимъ трудомъ о бронѣ въ крѣпостяхъ, ни другіе поклонники «обновленія» нашего военно-инженернаго дѣла, изъ рутины и косности, «но обстоятельствамъ», не дожили, да и не доживутъ, вѣроятно, до осуществленія своихъ взглядовъ.

Между тѣмъ, нѣмцы уже перестроили и *забронировали* крѣпости, имѣють могущественные осадные парки съ орудіями новѣйшихъ образцовъ, громадной дальности и большой разрушительной силы и грозять перейти на калибры еще болѣе могущественные. Огню у нихъ, такимъ образомъ,—хоть можетъ быть и преувеличенный,—но все же почетъ. *Техника* тоже ставится нынѣ на надлежащее мѣсто возрожденіемъ должнаго вниманія къ пионерамъ. *Възкъ сильно огневой и сильно технической нѣмцами учитывается, а вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ войска гораздо больше учатся брать чужія крѣпости, нежели защищать свои и учатся по единому полевому уставу*¹⁾.

У австрійцевъ,—судя по Ханикѣ,—мысли Смекала встрѣтили горячую поддержку, и нынѣ даже австрійцы, по цѣлому ряду свѣдѣній, впереди всѣхъ *въ усиленіи калибровъ своей навѣсной осадной артилеріи*. Общеизвѣстны также ихъ постоянныя осадныя ученія.

Французы постарались повѣрить опытъ войны дѣйствительнымъ огнемъ подъ Лангромъ, а цѣнность его выразили отпускомъ 90 м. франковъ на броню, да 150 м. фр. на усиленіе крѣпостей на в. границѣ въ дни Альжезираса. Конечно, однако, разбираль въ печати «la manoeuvre de Langres» военный инженеръ (подполк. Клейнъ). Конечно, онъ свелъ все дѣло къ торжеству «*принциповъ крѣпостной войны Вобана*»,—но все же французы что-то дѣлали и къ чему-то дѣйствительно,—какъ и съ опытами стрѣльбы по старымъ судамъ и броненосцу «Лена»,—шли...

Японцы, очевидно, учтутъ весь свой опытъ войны по нѣмецкимъ истолкованіямъ, а по новымъ предположеніямъ войска и флотъ удваиваются, артилерія соразмѣрно усиливается, заказываются новые осадные парки новѣйшихъ и наиболѣе сильныхъ образцовъ,

¹⁾ Имѣются свѣдѣнія о нѣмецкихъ *разборныхъ 27 см. (11 дм.) мортирахъ, переносимыхъ по ходамъ сообщеній по частямъ* на рукахъ. Ихъ снарядъ 5 пуд. вѣса, взрывчатого вещества у него 1 пудъ.

и каждая дивизія снабжается сильной тяжелой артилеріей и большимъ количествомъ *техническихъ войскъ* и средствъ. Огонь и техника особенно сильно учтены японцами, а духъ наступленія, духъ неудовлетворенной жажды славы еще ярче горитъ въ нихъ, нежели въ 1904—5 гг.

У насъ...

Неужели, какъ и послѣ 1877—78 гг., когда мы своей кровью научили нѣмцевъ правильному бою пѣхоты, а они это передали японцамъ,—мы же свое хорошее (Скобелева подъ Шейновымъ) растратили и даже умудрились извратить Суворова въ одну пулю дуру—штыка молодца,—неужели же мы и теперь, послѣ горя и стыда минувшей войны, послѣ мукъ и страданій П.-Артура, опять отдадимъ свой опытъ другимъ, сумѣемъ его направить *противъ насъ же*, а сами ничего не учтемъ и почіемъ на лаврахъ счастливаго сознанія, что такъ или иначе, а заслужили за П.-Артуръ хвалу и удивленіе враговъ...

Будемъ ясно понимать, что заслужили эту хвалу *одни войска*, т. е. та самая сила, которую нужно ставить, и военно-инженернымъ искусствомъ въ особенности, въ наивыгоднѣйшія условія для борьбы, чтобы имѣть тѣмъ больше права на рѣшительную ставку. Будемъ помнить, что ихъ, эти войска, нельзя пигдѣ, а особенно подъ крѣпостями, ставить въ невозможныя условія съ тѣмъ, чтобы являться потомъ, —здѣсь или тамъ,—дешевыми героями дешевыхъ отступленій и сдачъ для «спасенія войскъ», самими же доведенныхъ до невозможности исполнить до конца свое основное назначеніе *бить врага*, но отнюдь «не исправно ретироваться» или «умирать въ окопахъ», «ложиться костями» и «почетно сдаваться»...

Будемъ также твердо помнить, что *истинная война ведется въ мирное время*,—и что поэтому нужно, *не покладая рукъ*, вести *разумную и научно-освященную* подготовку къ войнѣ.

Въ частности, по крѣпостному дѣлу, *намъ больше, чѣмъ кому либо*, надо вспомнить, что успѣхъ въ осадахъ родится изъ искусства въ полѣ, и что *искуснымъ въ полѣ будетъ наноситель громовыхъ ударовъ, обоснованныхъ на Суворовскихъ «глазѣмъръ, быстрѣть и натискъ»*, съ приложеніемъ ихъ къ современному *сильному огневому и сильно техническому вѣрку*.

И для меня несомнѣнно, что какъ и въ полевой войнѣ, такъ и подъ крѣпостями, умѣющей наступать и брать—будетъ хорошо и

защищаться, умѣющій же продѣлывать всегда только одну «подлую оборону» — наступать и брать не сумѣетъ...

Изъ того же сродства духа дѣйствій и въ полѣ, и подъ крѣпостями, будемъ стараться уловить единство духа и *въ проведеніи этихъ дѣйствій въ жизнь*... «Единство даетъ согласіе», говоритъ Суворовъ... Но единство будетъ достигнуто прежде всего тогда, когда въ дѣйствіяхъ подъ крѣпостью мы будемъ учитывать взаимныя отношенія родовъ войскъ такъ же, какъ и въ полевомъ бою, лишь сильнѣе считаясь съ огнемъ и техникой, — а также заранѣе учитывая то, что, наприм., то же самое, по существу, преобладаніе въ огнѣ надъ врагомъ потребуетъ, для достиженія своего, не нѣсколькихъ часовъ или дней, а нѣсколькихъ недѣль, а можетъ быть и мѣсяцевъ... Тогда снова дѣйствія, разумно направленные къ Суворовской «единой главной цѣли», дадутъ «согласіе», а *въ согласіи всегда и вездѣ лежитъ залогъ успѣха*...

Но это согласіе явится лишь изъ согласія огня и техники между собою. Нашъ сильно огневой и сильно технической вѣкъ требуетъ отъ насъ пробужденія отъ долгаго и сладкаго сна. Онъ требуетъ скорѣйшей новой артиллеріи, на $\frac{2}{3}$ навѣсной, и лишь на $\frac{1}{3}$ настильной (а не наоборотъ, какъ у насъ), скорострѣльной, единообразной и для осады, и для крѣпости, стрѣляющей безъ платформъ, — ибо мы еще любовно держимся образцовъ 1877 г. (!), а если и создаемъ болѣе новые образцы, то весьма неудачные (пушка 6 дм. въ 200 п.)¹⁾ Онъ требуетъ скорѣйшаго снабженія хорошими снарядами. Онъ настойчиво требуетъ примѣненія брони для противопиштурмовыхъ орудій, для наблюдательныхъ и начальническихъ мѣстъ, для гаубичныхъ батарей на промежуткахъ, а также щитовъ и броневаыхъ каретокъ для осадныхъ и контръ-апрошныхъ работъ.

Попутно же будемъ, наконецъ, учить не одни наши крѣпостныя войска, и не только оборонять, *но и брать крѣпости*, не застывая притомъ въ методикѣ «параллелей», «одновременности открытія огня» и т. п. отжившей шаблонной схематизаціи. «Методу прочь...» «Глазомръзъ, быстрота и натискъ», выравненные на огонь и технику, — должны намъ дать то, «измѣненіе по обстоя-

1) Нынѣ вообще вездѣ принять взглядъ, что 6 дм. пушка не имѣетъ для себя хорошихъ цѣлей подъ крѣпостью (прочныя закрытія отъ настильнаго огня хорошо обезпечены и разрушны лишь навѣсно, а м. т. по мѣткости пушка 42 л. образца, скорострѣльная и со щитомъ, гораздо выше, и дальностью уступаетъ весьма много).

*тельствамъ», съ которымъ, по Суворову же, нужно «преслѣдовать врага до сокрушенія», стремясь все время «къ единой главной цѣли и забывая о ретирадѣ»... Но, понятно, идти на конечное рѣшеніе нужно только тогда, когда все для успѣха назрѣло, и успѣхъ, т. ск., виситъ на воздухѣ... Не даромъ же великій старецъ, даже по тому времени, *сегодня учился, завтра молился, и только послѣзавтра, — бралъ, — но бралъ безъ отказа, —* Измаиль...*

Тѣмъ, кто имѣлъ Псковъ, Троицко-Сергіевскую лавру, Измаиль, Прагу, Карсъ, Гданскъ, Кольбергъ, Полтаву и пр. — вернуться на истинный путь не трудно. Нужно только, чтобы отдѣлъ военной науки, который гласить о дѣйствіяхъ подъ крѣпостями, не былъ неотъемлемо въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ обособленныхъ взглядовъ. Пора передать этотъ отдѣлъ науки въ общія руководства по тактикѣ, отдѣлу этому давно пора проходиться въ Императорской Николаевской военной академіи и быть въ разработкѣ ея сыновъ, лишь передающихъ затѣмъ отдѣлку или выясненіе подробностей инженерамъ, артилеристамъ и т. д. *Но мало того. Нынѣшнее время особенно настойчиво подчеркиваетъ необходимость провести наконецъ, въ жизнь взглядъ, что техника должна быть въ подчиненіи у тактики, и что никому иному, какъ Генеральному Штабу, долженъ принадлежать рѣшающій голосъ при разработкѣ и рѣшеніи всѣхъ вопросовъ о выработкѣ и примѣненіи средствъ вооруженной борьбы.* Только такое направленіе дѣла «породитъ согласіе», а изъ согласія будетъ вытекать и стремленіе всѣхъ къ «единой главной цѣли» — къ познанію истины, — и притомъ *не врозь, какъ нынѣ, а по одному общему пути, предначертанному тактикою, т. е. иначе говоря, именно по пути къ столь тщетно нами и доселѣ разыскиваемой доктринѣ...* И мы уже видѣли, что нѣтъ ни одного угла работы подъ крѣпостью, который бы не имѣлъ, по духу, себѣ подобнаго въ полѣ и не управлялся бы одними съ этимъ послѣднимъ основами и руководящими взглядами...

Много высказано мною было горькаго на предшествующихъ страницахъ, и вниманіе мое невольно повернулось на инженеровъ съ ихъ засильемъ у насъ со временъ Императора Николая до вліянія на весь ходъ войны 1904—5 гг. включительно ¹⁾. Но справедливость требуетъ сказать, что они далеко не одни понесли на себѣ

¹⁾ Недаромъ же недавно въ «Инженерномъ журналѣ» одинъ убѣжденный инженерный писатель заявилъ, что *что-бы тамъ ни говорили т. н. тактики, а судьбы полей сраженій все больше переходятъ въ руки инженеровъ...* Дальше уже идти некуда...

отпечатокъ всѣхъ нашихъ вѣковыхъ заблужденій по розни родовъ войскъ. Какія любопытныя страницы могъ бы я развернуть о нашей артилеріи, предоставленной долго также самой себѣ и черпавшей свои дѣянія изъ области однихъ своихъ обособленныхъ познаній, *внѣ управленія тактики.*

Въ оборонѣ проникнемся прежде всего сознаніемъ, что она сильна *лишь встрѣчнымъ ударомъ*, и что надо строить крѣпости именно на этомъ духѣ, внѣ всякихъ мудрованій чистой обороны и *примѣняя все тѣ средства*, которыя даютъ намъ, въ нашъ сильно огневой и сильно техническій вѣкъ, огонь и техника. Нельзя взвинчивать одного въ ущербъ другому: должно быть разумное согласіе всѣхъ средствъ,—и какъ бы ни былъ хорошъ бетонъ, изъ-за него нельзя забрасывать брони, которая даетъ неисчислимыя выгоды въ числѣ орудій и людей, ею прикрытыхъ, и въ пользованіи первыми изъ нихъ,—а какъ бы, въ свою очередь, ни были хороши промежуточные и тыловые капониры,—они все же *не средство отъ всѣхъ болѣзней, не цѣль* современнаго строительства, *а лишь одна изъ многихъ данныхъ*, облегчающихъ конечный успѣхъ обороны, и данная, притомъ,—*при развитіи современнаго огня осады, бьющаго издалика ихъ щеки,—далеко не рѣшающая.* Вѣдь всякій согласится, что гораздо большее значеніе имѣетъ *недопустить противника прорваться, нежели отражать уже готовые прорывы.* А тогда, разъ природа борьбы за крѣпости не допускаетъ многого способа дѣйствій, какъ прорывъ (ибо кольцевой обводъ не даетъ *обойти* его), и современный крѣпостной обводъ доступенъ прорыву черезъ широкія куртины (промежутокъ между фортами) легче, нежели черезъ бастіоны (форты), то надо прикрыть эти куртины рavelинами, *т. е. выдвинуться впередъ передовыми позиціями*, дабы, опираясь на нихъ, создать всюду и вездѣ основу живыхъ дѣйствій защиты и обезпеченіе этихъ дѣйствій Суворовскими «*крестными огнями*»... *Крѣпость должна бороться за время*,—это обще-признано. Но борьба за время только тогда полезна, когда, приковавъ къ себѣ противника, крѣпость удержитъ его на все время намъ нужное. «*Крѣпость* ¹⁾ *должна держаться до заключенія мира...*» А путь къ тому, кромѣ соответственнаго устройства и снабженія въ мирное время,—*какъ можно дольше не допускать обложенія, какъ можно, въ особенности, дольше не давать неприятелю выставить своей осадной артилеріи, или, зна-*

¹⁾ Настоящая, большая маневренная...

читать, не дать ей мѣста, — и, слѣдовательно, снова путь этотъ — разумно подготовленныя передовыя позиціи, съ разумно-же подготовленными, «искусными взполт», защитниками крѣпостей на нихъ.

Создавая крѣпости, будемъ сразу, по всему ихъ обводу, захватывать подъ нихъ все то, что опасно имъ, какъ предметамъ нашихъ особыхъ о нихъ заботъ, и при этомъ будемъ сами господствовать надъ врагомъ (Волчьи горы), а не будемъ отдавать ему этого господства во имя «пассивной силы сопротивленія», т. е. «подлой обороны» въ ея самомъ чистомъ видѣ, или во имя какихъ нибудь иныхъ тому подобныхъ «методикъ».

Далѣе, будемъ создавать крѣпость сразу *извнѣ*, а не путемъ сначала созданія ненужныхъ ¹⁾ оградъ, какъ въ П.-Артурѣ, и лишь затѣмъ уже пояса фортовъ. Заложимъ сразу и быстро основы всѣхъ передовыхъ позицій изъ прочныхъ убѣжищъ съ запасами огня и техники такъ, чтобы крѣпость могла упорно драться хоть черезъ малое число мѣсяцевъ послѣ ея начала, а на зачаткахъ своихъ будущихъ позицій (кругозоры, обстрѣлы и т. п.) могла бы задерживать противника хотя бы даже черезъ нѣсколько дней. Примѣняясь затѣмъ къ *удобствамъ войскъ на мѣстности*, а не къ правилу «войска для укрѣпленій», создадимъ за передовымъ обводомъ *главный*, который и будетъ обезпеченъ въ своемъ ростѣ уже готовыми передовыми участками, а самъ будетъ расти на началахъ постепеннаго превращенія *каждаго верка во все болѣе и болѣе сильное сооруженіе изъ своего первоначальнаго основнаго, зародышеваго ядра*, — придерживаясь притомъ разредоточенности всѣхъ жизненныхъ частей укрѣпленія (см. выше). Но при этомъ поставимъ обзоры, обстрѣлы и закрытія *раньше препятствій*... Короче, будемъ имѣть въ виду *тактику, укрѣпленія для войскъ*, а не «инженерную» или «инженерно-артилерійскую оборону» и не «войска для укрѣпленій».

Не будемъ также гнаться за *чрезмѣрнымъ* ростомъ обводовъ крѣпостей. Броня, убѣжища для людей и запасовъ, подземныя сообщенія, богатое снабженіе всѣми средствами боевыми, продовольственными и техническими, надлежащее начертаніе путей сообщеній, — не по продолженію непріятельскихъ выстрѣловъ, а зигзагами, обильныя маски и пр. средства — съ лихвой намъ замѣнятъ эти чудовищныя обводы и сильно сэкономятъ отъ напраснаго расхода наши войска. Тогда обводы и возьмутъ въ себя все для насъ важное и все, что идетъ во вредъ противнику, — но не болѣе...

¹⁾ Т. е., конечно, тактически ненужныхъ.

Во всякомъ случаѣ, должно быть, чтобы надлежаще устроенная и снабженная крѣпость не требовала на себя въ военное время излишнихъ рабочихъ рукъ: все должно быть готово въ мирное время. Я поднимаю, конечно, этимъ вопросъ о большихъ расходахъ на крѣпости,—но они неизбежны, разъ мы хотимъ «обновиться по обстоятельствамъ» и застраховать себя отъ проигрыша новой войны,—и молодя наши новыя государственныя учрежденія должны намъ въ этомъ помочь отпускомъ денегъ (см. выше Францію въ дни Альжезираса).

Защитники, раздѣленные разумно и соотвѣтственно съ обстановкой на *наступательную* и *оборонительную части*, должны быть ввѣрены лицу, которое знаетъ, что оно должно держаться вѣнъ «науки, какъ сдавать крѣпости». Законы наши разъяснили теперь этотъ вопросъ, и требованія отъ начальника крѣпости должны быть нынѣ еще болѣе повышены.

Вся оборона должна вестись на встрѣчныхъ ударахъ, на живой борьбѣ за каждую пядь земли. Но главная цѣль—не допустить обложенія,—и здѣсь прежде всего—«искусство въ полѣ»... Печальной же памяти «контръ-атаки», съ вѣрнѣйшимъ самоистребленіемъ своихъ, должны быть изъяты вовсе. Мы, русскіе, должны быть строже всѣхъ къ хорошему веденію обороны крѣпости потому, что мы одни пока еще несемъ большіе расходы на особый видъ войскъ—крѣпостныя части и въ мирное время, а если бы мы когда нибудь и отказались отъ этихъ войскъ, то наши *полевыя войска* должны внести въ защиту крѣпости всѣ лучшія стороны *былого своего духа* и *нынѣшняго обученія*... Но, полагаясь на доблесть войскъ, мы вовсе не должны буквально примѣнять словъ Баяра: «*Нѣтъ слабыхъ крѣпостей, государь, тамъ, гдѣ есть мужественные люди, которые ихъ обороняютъ...*» Понимая слова Баяра, какъ дань мужеству защитниковъ, будемъ наоборотъ, помнить, что *чѣмъ мужественнѣе они, тѣмъ они намъ дороже, и тѣмъ меньше, слѣдовательно, можемъ мы ихъ ставить въ условія, невозможныя для сохраненія чести Родины и своей собственной.*

Погоня за множествомъ крѣпостей, кордоны на сотни верстъ изъ 10 саженныхъ въ вышину промежуточныхъ капонировъ, вытаскивавшихъ сейчасъ же за собой *въ свою защиту* миллионныя форты и пр., и пр.,—стараніями лицъ общаго военнаго образованія, кажется, миновали насъ и ушли въ вѣчность... Но наслѣдіе этихъ увлеченій не могло не оставаться въ видѣ малаго вниманія къ существующему. Довольно прочесть книгу «35 сообщеній инже-

нернаго комитета» въ Берлинѣ 1905 г., чтобы видѣть, какъ отошли мы въ сторону отъ истиннаго пути... Вопросы дѣйствій подъ крѣпостями у насъ не разработаны; мы держимся слѣпо извѣстныхъ средствъ и приемовъ, беспощадно отрицая другіе,—и въ то же время мы создаемъ особую *«инженерную оборону государства»*, особые *«принципы крѣпостной войны»* и вязнемъ во всякаго рода *«нормальныхъ теоретическихъ расчетахъ»*...

Изъ опыта Портъ-Артура мы, прежде всего, черпаемъ необходимость... *соединять между собой форты долговременной преградой*, забывая, что самое цѣнное въ прерывчатой крѣпости—это именно то, что она—опора живыхъ ударовъ въ полѣ... Мы доходимъ даже до того, что создаемъ особые *«принципы сомкнутости крѣпостей»*.—понимая при этомъ *«сомкнутость»* въ видѣ *«непрерывности...»* *«Обороняющійся же сохраняетъ въ своемъ сердцѣ страхъ соразмѣрно оказанному на него стремленію»*, говорилъ про подобнаго рода заботы тоже одинъ изъ великихъ людей въ нашей военной жизни, Румянцевъ.

Мнѣ лично обстановка обращенія съ крѣпостями рисуется такъ. На каждомъ важномъ направленіи дѣйствій противника, преимущественно на нересѣченіи рѣкъ или вообще крупныхъ естественныхъ рубежей съ желѣзными дорогами—*сильная крѣпость*; отдѣльныя болѣе важныя мѣста—*малыя крѣпости*; ихъ дополненіе—*временныя укрѣпленія тамъ, гдѣ это нужно по общей обстановкѣ или по ходу дѣла*. Вся сѣть крѣпостей—*основа наступленія нашего на противника. Но тѣмъ сильнѣе и сами крѣпости для обороны, если противникъ перейдетъ къ намъ...*

Крѣпости — неограниченнаго времени сопротивленія. Онѣ развязываютъ руки полевымъ войскамъ, но не служатъ ихъ обузой; онѣ сами прикрываютъ и обезпечиваютъ и не требуютъ прикрыванія и обезпеченія. Словомъ, онѣ—опора военныхъ дѣйствій, а не связываютъ хода (плана) ихъ. Самы дѣйствія подъ крѣпостями развиваются въ духѣ полевой войны, «по Суворову и, частью, по Смекалу...» Короче, вездѣ и во всемъ одинъ разумъ, безъ увлеченій, безъ *«методики»*, которую *«прочь»*,—и вездѣ общій духъ войны, общія ея требованія, но попутно и внимательный учетъ подъ крѣпостью той большой степени огня и техники, въ коихъ она нуждается. Во всякомъ же случаѣ: *«...время дороже всего!!»*, а потому для *наступленія*—надо стремиться властно и умѣло къ сокращенію овладѣнія крѣпостью, а для *обороны*, наоборотъ, цѣнить во всей силѣ свое время, тянуть борьбу, задерживать успѣхи насту-

пающаго и быть способнымъ *держаться до заключенія мира внѣ всякой помощи извнѣ...*

Намъ, съ нашими громадными разстояніями, со сравнительно слабыми сообщеніями, съ замедленной отсюда готовностью, съ глубиной пространствъ и особенностями нашихъ вѣроятныхъ военныхъ дѣйствій, — намъ *крѣпости — опоры военныхъ дѣйствій*, а не *крѣпости, производныя отъ этихъ послѣднихъ, — нужныѣ, чѣмъ кому либо...* И тогда уже одна необходимость бороться за эти крѣпости до заключенія мира, одно вѣроятіе необходимости только успѣхами въ полѣ освобождать свои крѣпости, — должны подвинуть насъ на изученіе этого дѣла, на ясное проникновеніе главной основной мыслью, заключающейся въ словахъ:

«Чтобы имѣть успѣхъ въ осадахъ, надо быть искуснымъ въ полѣ...»

Но т. к. *«правильно называть есть правильно понимать»*, то необходимо одновременно съ проникновеніемъ общимъ духомъ войны измѣнить и внѣшность принятыхъ у насъ названій существенныхъ военныхъ явленій. Необходимо отказаться отъ всякихъ «крѣпостныхъ», «горныхъ», «степныхъ» и т. п. войнъ. Необходимо бросить всякіе особыя *«принципы крѣпостной войны...»* Въ здоровомъ пониманіи военного дѣла нѣтъ мѣста «инженерной оборонѣ государствъ», «тактикѣ крѣпостной артилеріи» и прочимъ обособленностямъ... *Война едина*. Крѣпости, горы, степи и д. т. вызываютъ лишь извѣстныя въ нихъ особенности дѣйствій. Всѣ виды войскъ работаютъ по одной тактикѣ (*Наука побѣждать*). Равнымъ образомъ, война повсюду управляется одними основными законами, требуетъ самой тщательной подготовки, и, напр., вмѣсто «инженерной обороны государства», я допускаю лишь *«подготовку въ инженерномъ отношеніи»*, которой, однако вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это ясно само собою, — *нѣтъ лишь въ смыслъ исполненія распоряженій свыше, а никакъ не въ смыслъ засилья ея самой надо встѣмъ остальнымъ.*

Короче, и здѣсь учрежденія, вѣдающія общей подготовкой къ войнѣ, должны быть поставлены во главѣ, — и *техника* особенно здѣсь должна быть лишь слугой и исполнительницей велѣній тактики, какъ общеобязательной для всѣхъ *«Науки побѣждать»*.

Пуще же всего надо бороться съ пагубными стремленіями имѣть «крѣпости ограниченаго сопротивленія» и «войска для укрѣпленій», — и вновь созданная у насъ служба Главнаго управленія генеральнаго штаба именно и должна, по моему глубокому

убѣжденію, поставить первѣйшею почетною своей задачею *выводъ вѣсть нынѣ разрозненныхъ воззрѣній и взглядовъ на путь единственно разумнаго общетактическаго мышленія по вѣсьмъ отдѣламъ военныхъ знаній*,—и все это, повторяю, во имя величайшихъ и безконечно глубокихъ по смыслу своему словъ Суворова: «*Единство даетъ согласіе*».

Только это «единство» поставитъ насъ, разошедшихся по вѣсьмъ швамъ, на ноги... Только это единство, на почвѣ вѣры въ свое славное прошлое и въ свои силы и на почвѣ желанія устранить свои недуги, воскресить нашу боевую славу... Только это единство увѣритъ вѣсьхъ, что укрѣпленія (крѣпости) для войскъ, а не войска для укрѣпленій (крѣпостей)... *Только это единство, наконецъ, заставитъ проникнуться глубочайшимъ смысломъ словъ «Науки побѣждать», которыя я умышленно приберегъ къ концу: «Баталія на окопы на основаніи полевой»*... Великій старецъ, какъ видимъ, и здѣсь проникъ въ природу вещей полнѣй и глубже, чѣмъ кто либо, — и намъ, его внукамъ, чтобы быть достойными его и его славныхъ предшественниковъ, надо усердно и *прилежно*, какъ дѣлали это они, «обновлять» былыя славныя дѣянія по современнымъ, — огневымъ и техническимъ, — «обстоятельствамъ»¹⁾...

Въ окончательное выясненіе моихъ мыслей два слова о томъ, какъ же поставить дѣло, чтобы добиться желаемыхъ мной плодовъ.

Отвѣтъ вытекаетъ изъ словъ М. И. Драгомирова: «*Родъ занятій опредѣляетъ складъ понятій и характеръ отношеній*». Отсюда явствуетъ, что если «*родъ занятій*» уклоняетъ въ ненужную сторону, то необходимо отъ него оберечь¹⁾. Иначе говоря, необходимо дать правильный «*складъ понятій*» каждому военному раньше, нежели онъ изберетъ себѣ обособленный «*родъ занятій*». Лучшими средствами для этого будутъ *единая военная наука и единая военная школа*. Эта школа, эта наука должны быть основою и корнемъ военной подготовки всего офицерскаго состава. *И только тогда, когда совершенно однообразныя тактическія взгляды, совершенно одинаковое пониманіе цѣлей военнаго дѣла и средствъ для достиженія этихъ цѣлей* будутъ впѣдрены въ сознаніе, можно будетъ, какъ я понимаю, перейти къ выбору себѣ

¹⁾ «Побѣдивши, обновлять по обстоятельствамъ», — Суворовъ.

каждымъ того отдѣла службы и знаній, къ которому онъ считаетъ себя болѣе пригоднымъ ¹⁾).

Этотъ путь приложимъ къ военнымъ училищамъ,—(къ выпуску въ офицеры),—этотъ же путь приложимъ и къ высшему военному образованію,—(къ академіямъ). Какъ онъ будетъ выполненъ,—общимъ ли одинаковымъ перечнемъ *основныхъ тактическихъ знаній* (общими программами) для всѣхъ военныхъ училищъ (академій), сохраняя въ нихъ и особенности по роду предстоящей службы ихъ питомцевъ,—или сначала обученіемъ *всѣхъ на одномъ курсѣ*, съ раздачей потомъ слушателей по обособленнымъ училищамъ (академіямъ), лишь по его окончаніи,—этого я рѣшать не берусь. Я только скажу попутно, что недавнее простое переименованіе Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба въ Императорскую Николаевскую Военную Академію дѣла отнюдь не рѣшаетъ, пока будутъ рядомъ съ ней, обособленно, всѣ прочія Академіи,—и что въ тѣсной близости съ даннымъ вопросомъ лежитъ и необходимость пересмотрѣть наши учебныя программы, какъ таковыя сами по себѣ, перераспредѣлить въ нихъ предметы, назвать ихъ правильными именами и, главное, имѣть ввиду, что надо *каждому*, какъ уже не разъ мной говорено, по Суворовски: *«смотреть на дѣло въ цѣломъ»*, дабы *«единство»* дало то *«согласіе»*, въ отсутствіи котораго въ нашемъ военномъ дѣлѣ пока,—въ сущности,—*никого отдѣльно и винить нельзя...* Настолько всѣ мы идемъ въ немъ обособленно, разрозненно и недружно, настолько мы напоминаемъ всего болѣе Крыловскихъ лебедя, рака и щуку, а не единую, единымъ духомъ знаній, единымъ сознаниемъ цѣли проникнутую могучую и цѣльную боевую силу... А вѣдь отсутствіе такой цѣли сейчасъ-же родитъ безволіе и дряблость, а за ними—«дефензивъ», «ретираду» и «Ласіевъ кордонъ»...

Итакъ, въ окончательномъ выводѣ, я всецѣло за *«доктрину»* въ военномъ дѣлѣ для Россіи вообще, за *«доктрину»* въ много-страдальномъ крѣпостномъ нашемъ дѣлѣ въ частности,—но все это лишь *на почвъ общихъ здравыхъ тактическихъ началъ, общаго здраваго тактическаго освѣщенія каждаго, хотя бы частнаго, вопроса, раньше передачи его на разработку отдѣльнымъ исполнителямъ по той или другой особой отрасли ихъ вѣдѣній и знаній.*

Тогда каждый будетъ знать *свой кругъ вѣдѣній* (свою *цѣль* ²⁾), каждый будетъ имѣть соотвѣтственныя тому *средства*, и дѣло от-

1) Примѣръ пользы такого сочетанія знаній—*Р. И. Кондратенко.*

2) *«Всѣхъ солдатъ долженъ понимать свой маневръ»* (Суворовъ).

сюда только выиграеть, ибо каждое знаніе, каждая способность будутъ приложены *«въ свое время и на своемъ мѣстѣ»*.

А затѣмъ я съ радостью выслушаю каждое слово, которое укажетъ мнѣ мои ошибки, каждое разъясненіе, которое выведетъ меня на истинный путь... Я прошу только вѣрить, что во всемъ, въ этой работѣ высказанномъ, мной руководило одно стремленіе—подойти возможно ближе къ истинѣ,—одно желаніе—счастья и блага,—хотя бы только и въ избранной мной для обсужденія скромной области,—тяжелыми 1904—5 годами измученной нашей дорогой Родинѣ...

А. Блчаниновъ.

